

Зарубежный опыт

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — д.полит.н., профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, (1, ул. Ленинские Горы, г. Москва, Россия, 119991; vasilenko.irina@mail.ru)

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна — д.соц.н., профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, 4)

АБАССЫ Малгожата, доктор гуманитарных наук в области культуроведения, адъюнкт Института России и Восточной Европы, Ягеллонский университет (Gołębia 24 Krakow, Poland)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ, БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления общего и особенного в системе политических ценностей в разных политических культурах. Авторы на примере трех стран-соседей показывают, что хотя ценности свободы, равенства, социальной справедливости, демократии являются общими для населения России, Беларуси, Польши, имеются значимые различия в интерпретации их содержания в контексте национальной культуры.

Значение сравнительного анализа состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей у представителей разных культур, что поможет им вести продуктивный диалог.

Ключевые слова: политическая культура, политические ценности, демократия, сравнительный анализ, Россия, Польша, Беларусь

В современном мире все страны Европы в той или иной мере разделяют такие базовые политические ценности демократии, как свобода, равенство, братство, социальная справедливость. В этом смысле Россия, Польша и Беларусь — не исключение. Несмотря на значимые расхождения в оценках тех или иных политических событий на международной арене, даваемые на уровне государственных деятелей, а также на оценки состояния демократии в России и Беларуси, предлагаемые организацией *Freedom House*, народы этих стран каждый по-своему поддерживают демократические идеи и принципы.

И это не случайно: со времен Великой Французской революции свобода, равенство и братство были живо восприняты русской, белорусской и польской интеллигенцией и прочно вошли в политический дискурс России и Польши. Беларуси тогда не существовало на политической карте, но белорусские интеллектуалы ничем не отличались в этом смысле от польских, т.к. в течение предшествующих 200 с лишним лет белорусские земли, вплоть до разделов Польши в конце XVIII в., входили в состав этого государства. Но если мы внимательно присмотримся к содержанию этих понятий в политических культурах указанных стран и в прошлом, и в настоящем, то увидим различия в их интерпретации.

Не будем забывать, что демократия возникла в каждой стране на почве менталитета и духовных ценностей населяющих ее народов, в данном случае — представляющих центральную и восточную части славянских земель. Именно поэтому надо рассматривать демократию и другие политические ценности народа, учитывая не только исторические и политические факторы развития страны, но также и ее культуру. Демократия — это феномен, который в равной степени совмещает культуру и политику.

Остановимся сначала на России и Польше. С 1054 г. (раскол христианства) Польша и Россия пошли разными путями исторического и культурного развития: Польша находилась под влиянием Рима и являлась частью так называемой *Pax Latina*, а русские княжества, приняв крещение из Византии, определили себя как принадлежащих к *Pax Orthodoxa*. С того времени вплоть до Средних веков история двух стран в культурном отношении формировалась как история институтов костела и церкви. Христианский фактор обусловил культурное единство России и

Западной Европы по отношению к другим религиям, в т.ч. исламу. Ведь центральная фигура католичества и православия – это Христос, который первым выдвинул основной для демократии принцип равенства всех людей вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания. Этот фактор нельзя недооценивать, потому что ни ислам, ни такие религиозно-философские системы, как, например, буддизм, не признают абсолютного равенства всех. Идея Христа-человека создала основу для уважения к личности, понимаемой как отражение божественности [Vardy 2012: 19–20]. Поэтому и сегодня многие социальные философы, социологи, антропологи поддерживают идею христианского происхождения прав человека [Йоас 2011: 44–48]. Что касается белорусов, то начиная с XIV в. их княжества были частью Великого княжества Литовского, в котором не существовало доминирующей религии, поэтому в нем мирно жили и православные, и католики, и представители других религий. Только в XVI в., когда это княжество подписало унию (договор) и вошло в конфедерацию с Польшей, католичество стало доминировать, а православие – притесняться и вытесняться из культуры белорусов. Была создана особая униатская церковь, сохранившая православные обряды, но подчиненная Риму, и большинство белорусов стали униатами. Поэтому религиозный плюрализм и толерантность стали отличительной чертой белорусов, начиная с этих исторических времен, что не могло не отразиться на их менталитете¹.

В эпоху Просвещения сакральный фактор в восприятии личности отошел на задний план, но остался по-прежнему сильным как неотъемлемая часть национального российского и польского менталитета. Его скрытый смысл отражен в семантике русского слова лик² и польского – *oblicze* [Bartnik 2008: 156]. В белорусском языке есть слово «твар», однако т.к. на территории Речи Посполитой доминировал польский язык, белорусы были вынуждены пользоваться именно им. Таким образом, главная, хотя спрятанная очень глубоко, идея демократии восходит корнями к раннему христианству. Она объединяет верующих поляков, белорусов и россиян на уровне менталитета. Это первый, очень важный, уровень демократии – понимание, кто такой человек, и восприятие им другого человека как свободного и бесценного существа. Идея ближнего и заповедь Христа: «Возлюби ближнего своего как себя самого», – вмещает общность судьбы всех людей.

В то же время православие и католичество заложили основы существенных культурных различий в понимании многих ценностей, которые являются базовыми для формирования демократических идеалов. И это вполне предсказуемо и типично для многих других культурных регионов. Так, исследования в рамках «Арабского барометра» показали, что менее 20% населения арабских стран понимают демократию в том же духе, что и на Западе, для остальных демократия просто означает «доброе», «хорошее».

Истоки различий в трактовке ценностей в нашем исследовании уходят своими корнями в своеобразие интерпретации проблемы добра и зла в православной и католической культурах. С. Аверинцев в известной статье «Византия и Русь: два типа духовности» попытался провести параллели между истолкованием добра и зла в российской и европейской культурах. Он обратил внимание на то, что на Западе между добром и злом, между светом и тьмой живет по своим законам естественный мир – область государства и права, в которой действуют нормы учтивости и контракта. Сама идея «общественного договора» как источника земной власти восходит к трактатам отцов-иезуитов. Если все люди – грешники (пребывают «во зле»), то их надо защитить друг от друга нормами государственного обще-

¹ По данным социологического мониторинга в 2013 г. более 95% опрошенных белорусов назвали религиозную ситуацию в стране спокойной, и 97% сказали, что права верующих никто не нарушает. См.: *Республика Беларусь в зеркале социологии*: сб. материалов соц. исследований за 2013 г. 2014. Минск. С. 87.

² Лик – «лицо; изображение лица (на иконе)», облик, прилик м., прилика ж. «приличие, манер», слик «сравнение» (сюда же лицо), укр. лик – «изображение, икона», русск.-слав. ликъ, ст.-слав. лице трѣбѣлов, болг. ликъ – «картина; цвет лица», сербохорв. лик, род. п. лика – «лицо, форма, образ», словен. lik – «фигура, образ, изображение», чеш. lice – «щека, лицо», польск. lice – «щека, лицо», в.-луж., н.-луж. lico – «щека». См.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Доступ: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-6895.htm> (проверено 09.01.2015).

жития. В русской культуре между добром и злом такой «промежуточной» области нет: «Русская духовность делит мир не на три, а на два — удел света и удел мрака...» [Аверинцев 1988: 234–235]. На территории Северо-Западного края Российской империи (так назывались белорусские земли, вошедшие в состав России после третьего раздела Польши в 1795 г.) доминирование католицизма было насильственно искоренено в первой половине XIX в., а орден иезуитов был запрещен указом царя Николая I. Белорусское население было постепенно возвращено в православие, за исключением западных регионов, где католицизм сохранил свои позиции и сильное влияние на менталитет жителей вплоть до наших дней. Подавление восстания Калиновского в 1863–1864 гг. практически завершило этот религиозный процесс, однако религиозная двойственность культуры и менталитета белорусов сохранилась.

Таким образом, сначала католичество, а затем секуляризация культуры Запада создали условия для преобладания нейтральной сферы в восприятии мира. Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного Средневековья оказываются возможными широкая полоса нейтрального поведения, нейтральные общественные институты, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими [Лотман, Успенский 1977: 4].

В русском культурном сознании преобладала дуальность, которая отразилась в российской политической культуре: «Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым. Это распространялось и на внецерковные понятия: так, светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда как нейтральная по отношению к этим понятиям» [Лотман, Успенский 1977: 4].

Однако эта интерпретация дуальности в русской культуре представляется нам не совсем точной. На самом деле между уделом света и уделом мрака, на границе обоих царств стоит русский человек, и сражение между добром и злом происходит в его душе. Если на Западе для контрактных отношений открыта область естественного, область государства, то в русской культуре — область духовная, сама человеческая душа: «Живая душа русского народа, создавшего Россию не только как государство, но и как нацию и культуру, как цельный духовный организм, для нас есть непосредственно данный, опытно сопереживаемый факт» [Карташев 1996: 135].

Федор Достоевский, которому было дано заглянуть в тайны русской души, воскликнул: «Широк русский человек, я бы его сузил!» Как художник Ф. Достоевский образно почувствовал главную проблему — сакральный выбор между добром и злом решается в России в глубинах человеческой души. Политическая борьба была и остается здесь борьбой за идеи и идеалы — «сузить» эту борьбу невозможно. Именно поэтому для российской политики особое значение имеет вопрос о ценностях, которые движут людьми и определяют их политический выбор.

И здесь возникает вопрос, очень важный для понимания сущности демократии и способов претворения в жизнь ее основных принципов: каково содержание базовых понятий свободы, социального равенства и социальной справедливости в политической культуре каждого народа?

С эпохи Возрождения Западная Европа вступила на путь быстрой индустриализации и укрепления частной собственности. Положение человека в обществе определялось его материальным статусом, который в некоторой степени отождествлялся с умением влиять на окружающую среду. Группа мыслителей попыталась определить значение слова «прогресс», но уже у самого начала этих попыток проявился двойственный характер прогресса — как совершенствование личности и как материальное благополучие. Вскоре оказалось, что всеобщее равенство и свобода — это лишь возвышенные идеи, едва ли осуществимые на практике.

В XIX в. Александр Герцен и Федор Достоевский с болезненной остротой постигли несовместимость идеалов возвышения личности и материального благополучия для всех. Символом Западной Европы в их глазах стали деньги – «миллион». В статьях «С того берега» Герцен писал: «Этот “несчастный, обделенный брат”, о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая *цивилизацию и порядок!*» [Герцен 1955: 91]. Вторил ему и Достоевский в «Зимних записках о летних впечатлениях»: «В самом деле: провозгласили вскоре после него: *Liberte, egalite, fraternite*. Очень хорошо-с. Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» [Достоевский 1989: 79].

Действительно ли свобода и социальная справедливость несовместимы? Исайя Берлин заметил: «Свободу человека или группы выбирать образ жизни необходимо дополнить другими ценностями, как равенство, справедливость, счастье, безопасность, общественный порядок» [Berlin 1969: 30]. Таким образом, все эти понятия тесно связаны между собой. При этом свобода в русском ее понимании – это не столько свобода политического выбора, свобода реализации определенных прав (что первоначально для поляков и европейцев в целом), сколько возможность «быть самому себе хозяином», это русская «воля». Об этом хорошо сказал Н.А. Бердяев: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей» [Бердяев 1990: 14]. И сегодня две трети россиян считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашаются с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Причем данный результат повторяется от исследования к исследованию на протяжении всех 25 лет реформ, о чем свидетельствуют данные Института социологии РАН [Горшков 2013: 12].

Среди особых российских политических ценностей, которые не актуализированы в европейском массовом политическом сознании, следует назвать феномен «правдоискательства». Русское слово «правда» трудно переводится на иностранные языки. Как отмечает С. Франк, оно одновременно означает и «истину», и «справедливость», и «моральное и естественное право» [Франк 1992: 490]. Русский народ всегда искал ту правду, которая «объяснит и осветит жизнь», правду как «свет... который просвещает каждого человека, приходящего в мир» (Иоанн, 1: 9), благодаря чему жизнь может стать подлинной, т.е. справедливой. Поэтому и проблему равенства россияне склонны трактовать не столько как равенство всех перед законом, сколько как социальную справедливость. Так, согласно опросам ВЦИОМа за 2012 г. две трети опрошенных (68%) симпатизируют «левым» партиям, ориентированным на социальную справедливость, и столько же – демократическим партиям, защищающим ценности политической свободы и прав граждан. При этом 62% опрошенных выступают за укрепление роли государства во всех сферах жизни¹. Другим словами, россияне надеются именно на государство в обеспечении политических прав и свобод.

Несколько по-другому понимают эти проблемы поляки и белорусы. Для современных белорусов, живущих в социально ориентированном государстве, именно этот институт оказывается самым важным в обеспечении всех прав и свобод и гарантии социальной защиты. Так, по данным мониторинга 2013 г. на вопрос, кто может выступать в роли представителя прав и интересов населения, 1-е место (48%) с большим отрывом от остальных получило государство, 2-е (29%) – само население². В этом смысле белорусы ближе к россиянам, чем к полякам. Однако правдоискательство чуждо белорусам: вместо правды белорусы ищут социальную

¹ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112352> (проверено 26.03.2013).

² Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов соц. исследований за 2013 г. 2014. Минск. С. 16.

справедливость, которую, как и россияне, оценивают зачастую выше, чем другие ценности, и даже выше, чем закон.

Проблема свободы и социального равенства занимает важное место в польском восприятии мира. Начало формирования шляхетской демократии в XVI в. привело в XIX столетии к созданию гражданского общества, основанного на огромном уважении к индивидуальным стремлениям личности. Из-за политической обстановки в XIX в. проблема свободы рассматривалась как необходимость вернуть Польшу на карту Европы, объединив ее земли. Вследствие такого подхода свобода как ценность в личном плане сильно ассоциировалась со свободой в плане политическом — с польским патриотизмом.

Проблема свободы как политической ценности, составной части демократии и фактора экономических перемен, возникла заново в 90-е гг. минувшего столетия. В 1999 г. польский Центр исследований общественного мнения (CBOS) провел опрос «Свобода и равенство в общественной жизни». Из результатов опроса следует, что большинство поляков (57%) считают свободу важнее социальной справедливости (35%)¹. Однако в прямом отношении к реальной жизни те же люди говорят, что свобода важна как принцип, но в общественной жизни явно не хватает равенства. По результатам опроса равенство — это одинаковые права для всех (92%), возможность получить хорошее образование и профессию (88%), общий для всех материальный уровень жизни (56%)². С другой стороны, поляки критически относятся к воплощению в жизнь принципа равенства. Некоторые считают его противоположным принципу свободы, который, в свою очередь, определялся как свобода мнений, действий, образа жизни, возможность полностью воплотить в жизнь потенциал человека как индивидуума.

В Польше свободу считают важнее равенства люди хорошо обеспеченные, с высшим образованием (80%), жители больших городов (74%)³. Взаимосвязь ценностей свободы и равенства/социальной справедливости влияет на понимание демократии и осуществление ее принципов на практике. В опросе «Общественное понимание демократического строя»⁴ поляки называли 4 ценности: свободу, социальную справедливость, материальное благополучие, равенство перед лицом права. Свобода является важнее всех остальных ценностей для той части польского общества, представители которой ценят политическую независимость, отсутствие цензуры, возможность повлиять на окружающую среду. Это тоже часть польских правых сил. Интересно, что свободу как главную ценность выбирают чаще мужчины, чем женщины. Социальная справедливость в свою очередь ценится среди наемных работников, безработных, работников государственных учреждений и сторонников политических партий левого толка.

Таким образом, за различиями в оценках и интерпретациях ценностей свободы, равенства, справедливости стоит не только национальная культура, но и политические ориентации населения. Правые силы играют в Польше более значительную роль, чем в России, не говоря уже о Беларуси, где к политической оппозиции отрицательно относится 70% населения⁵, а политические партии в целом не играют особой роли на политическом поле. В то же время в Беларуси утвердился подход, согласно которому переход к «суверенной демократии» (в белорусском ее варианте) уже завершён [Черняк 2007].

Сложным является отношение россиян, белорусов и поляков к идее демократии как общественного устройства. Не секрет, что в постсоветский период для многих российских и белорусских граждан с демократией был связан ряд негативных коннотаций: она ассоциировалась с развалом советской государственности, экономики, с обострением межнациональных конфликтов, с падением уровня жизни большинства населения. Но сегодня с восстановлением экономики и междуна-

¹ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2000/K_026_00.PDF (accessed 08/01/2015).

² Там же.

³ Там же.

⁴ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/1995/K_099_95.PDF

⁵ Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов соц. исследований за 2013 г. 2014. Минск. С. 15.

ного статуса страны отношение к демократии у россиян несколько сблизилось с европейским пониманием. В России сегодня демократию связывают со свободой слова, печати, вероисповедания 44% граждан, но с экономическим процветанием страны – только 28%.

В то же время россияне стали более позитивно, чем в предыдущие годы, воспринимать ценности национальной самобытности (рост с 9 до 12%) и особенно державности (с 9 до 14%). Многие политологи интерпретируют это в контексте потребности восстановления статуса России как мировой державы на мировой арене. Заметим также, что в российском общественном сознании, в отличие от польского, ценности державности и национальной самобытности вполне органично связаны с демократией. При этом современные исследования говорят также о том, что свыше половины граждан России убеждены: индивидуализм и либерализм западного типа их стране не подходят, для нее гораздо важнее чувство общности и государственный патернализм.

Отношение белорусов к государственности и демократии сходно с российским. Во-первых, постепенно с середины 1990 г., и особенно в XXI в., государственная независимость получала все более высокие оценки, а значит и ценилась выше в общественном мнении белорусов. Во-вторых, государственное устройство республики в общественном мнении ее граждан оценивалось как демократическое, несмотря на острые дебаты по поводу политического режима Беларуси в международных политических источниках. Сегодня, когда Беларусь и Россия входят в два общих надгосударственных объединения – Союз Беларуси и России и Евразийское экономическое пространство, – ценность белорусской государственности (а вместе с ним – государства и белорусского патриотизма) возрастает. Патриотизм в Беларуси стал такой же важной ценностью, как в России, и связан он с защитой своего суверенного государства.

Таким образом, важно отметить, что специфика трактовки демократии как общественного строя в России и Беларуси не совпадает с пониманием либеральной демократии на Западе, а сама интерпретация модели западной демократии в этих странах скорее негативна, чем позитивна. Например, согласно данным опроса, проведенного в 2006 г. социологами Левада-Центра, 30% россиян считали, что западная демократия стране «не подходит», а 12% – что она «разрушительна, губительна» для России. В опросе 2007 г. 48% высказали мнение, что США опасны другим странам, включая Россию, «стремлением внедрять свой образ жизни и демократию по-американски» [Орджоникидзе 2007: 36–37]. Схожие данные были получены белорусскими социологами: они зафиксировали низкий уровень либеральных ценностей при приоритете ценностей выживания [Минчане... 2006: 19]. Приведенные результаты опросов свидетельствуют, что народы постсоветских стран ищут свои формы политического развития и не хотят слепо копировать чужие модели. Впрочем, в этом нет ничего оригинального или неожиданного. Сложные и противоречивые процессы демократического развития характерны не только для постсоветских стран. Разочарование в западной либеральной форме демократии – это глобальная тенденция. Так, состоявшийся в 2012 г. в Бразилии форум Международной социологической ассоциации наглядно продемонстрировал, что понимание демократии и социальной справедливости в странах «золотого миллиарда» существенно отличается от самобытного («аборигенного») понимания этих политических ценностей в других странах мира, включая Латинскую Америку, Азию, Восточную Европу, Австралию [Вдовиченко 2013: 142].

Если рассматривать демократию как ценность, исследования показывают, что поляки в принципе относятся к ней положительно, считая основанное на ней государственное устройство лучшим из возможных. Такое мнение высказывают сегодня 71% опрошенных¹. Хотя в каждой мировоззренческой и возрастной группе преобладает положительная оценка, однако сторонников демократического строя значительно больше среди очень молодых людей (18–24 лет) с высшим образованием,

¹ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_042_14.PDF (accessed 08.01.2015).

стабильной материальной ситуацией, слабо религиозных¹. Соответственно, меньше их среди электората ПиС («Право и Справедливость»), для которого демократия ассоциируется с такими нежелательными явлениями, как крайний индивидуализм и широкая свобода нравов, но и среди них большинство относятся к демократии положительно. Только каждый третий поляк безразличен к форме правления, а возраст респондентов из этой группы указывает на принадлежность к поколению «отцов», т.е. людей, взгляды которых складывались в конце 80-х гг. прошлого столетия; в основном это жители маленьких городков и деревень, плохо образованные и с низким материальным уровнем. Более половины поляков утверждают, что форма правления имеет для них значение, но среди респондентов данной группы нет единства в отношении того, какой строй лучше – демократический или недемократический. 21% допускают замену демократии иной структурой правления в чрезвычайной ситуации.

Можно предположить, что здесь большое значение имеет чувство безопасности в ситуации, когда демократия ассоциируется со свободой выбора, неконтролируемым экономическим развитием и конкурентоспособностью, а также с отсутствием поддержки со стороны государства. В кризисной ситуации демократия и безопасность как ценности противопоставлены друг другу. Идентификация с демократией как ценностью и поддержка государственной структуры, опирающейся на демократические принципы, коррелирует с высоким уровнем образованности респондентов, их материальным благосостоянием, отказом от религиозных практик, а также с проживанием в больших городах.

Можно сослаться и на другие примеры в мире, когда безопасность и стабильность ставятся на 1-е место. Даже в США, которые позиционируют себя как оплот западной демократии, после роста угроз терроризма многие граждане стали допускать ущемление их прав в пользу безопасности страны. Вообще, как пишет известный журналист Кристиан Кэрел в журнале «Экономист», для большинства населения демократия – не самоцель, а средство достижения экономического благополучия [цит. по: Снеговая 2015]. Поэтому нет ничего странного в том, что в России и Беларуси часть населения (хотя далеко не все) допускают то же самое, а некоторые социальные группы (особенно социально незащищенные) вообще отдают приоритет сильному политическому режиму, а не демократии.

Тем не менее нам представляется, что не стоит искать в этих различиях выбранных нами стран «роковой изъясн»: и российский, и польский, и белорусский пути к демократии, сколь бы они ни различались, одинаково интересны в плане развития национальных моделей демократии. Политологам пора научиться ценить проявления национальной самобытности именно как творческое начало, способное стать движущей силой политического развития общества. С позиций антропологии человек свободен только тогда, когда может жить в соответствии с тем пониманием свободы, которое сложилось в его родной культуре. Еще более полувека назад, в период образования Организации Объединенных Наций, известный антрополог М. Гершковец и группа членов Американской антропологической ассоциации выступили с меморандумом против принятия Декларации прав человека в качестве основополагающего документа этой международной организации. Они заявили, что стандарты и ценности имеют специфический характер в разных культурах и поэтому всякие попытки навязывать универсальные подходы и формулировки в этой области недопустимы: «...человек свободен только в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе»².

Значение сравнительного анализа в мире ценностей и смыслов состоит в том, чтобы выявить и объяснить различия в понимании политических ценностей представителями разных культур. Только этот путь поможет им вести продуктивный диалог. Не случайно сегодня универсалистские политические концепции характеризуются как «культурный империализм». Современная политическая наука

¹ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_042_14.PDF (accessed 08.01.2015).

² Statement in human rights, submitted to the Commission on Human Rights, United Nations, by the Executive Board, American Anthropological Association. – *American Anthropologist*. 1947. No 49. P. 541.

должна уйти, наконец, от жестких технологий навязывания единых универсальных норм и правил политической игры и освоить новые, «мягкие» технологии понимания и интерпретации ценностей разных политических культур.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1988. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая: Закон и милость. — *Новый мир*. № 9.
- Бердяев Н.А. 1990. *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. М.: Философское общество СССР. 240 с.
- Вдовиченко Л.Н. 2013. Социальная справедливость и демократизация. — *Социологические исследования*. № 2.
- Герцен А.И. 1955. С того берега. Статьи. Долг прежде всего. — *Собрание сочинений*. В 30 т. Т. 6. *Статьи (1847–1851)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Горшков М.К. 2013. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры. — *Власть*. № 1. С. 9–14.
- Достоевский Ф.М. 1989. Зимние заметки о летних впечатлениях. — *Собрание сочинений*. В 15 т. Л.: Наука. Т. 4.
- Йоас Х. 2011. Макс Вебер и происхождение прав человека. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 1. С. 32–50.
- Карташев А.В. 1996. Судьбы «Святой Руси». — *Церковь. История. Россия*. М.
- Лотман Ю.М., Б.А. Успенский. 1977. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). — *Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова*. Тарту, Эстония.
- Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет*. 2006. Минск, Беларусь.
- Орджоникидзе М. 2007. Западные ценности в восприятии россиян. — *Вестник общественного мнения*. № 2.
- Снеговая М. 2015. Конец демократии? — *Ведомости*. 17 февр.
- Франк С. 1992. *Духовные основы общества*. М.: Республика. 512 с.
- Черняк А. 2007. Белорусская модель позиций не сдает. — *Беларуская думка*. № 2.
- Bardy G. 2012. *La conversazione al cristianesimo nei primi secoli*. Milano.
- Bartnik Cz. 2008. *Personalizm*. Lublin.
- Berlin I. 1969. *Four Essays on Liberty*. Oxford University Press.

VASILENKO Irina Alekseevna, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the Chair of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory St, Moscow, Russia, 119991; vasilenko.irina@mail.ru)

TITARENKO Larissa Grigorievna, Dr.Sci.(Soc.), Professor of the Chair of Sociology, Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave, Minsk, Republic of Belarus, 220030)

ABASSY Malgorzata, Dr.Sci.(Hum.Sci.), Adjunct of the Institute of Russia and Eastern Europe, Jagiellonian University (Gołębia 24 Krakow, Poland)

POLITICAL VALUES OF DEMOCRACY IN RUSSIA, BELARUS AND POLAND: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article deals with the identification of general and special system of political values in different political cultures. Authors on the example of the three neighboring countries show that although the values of freedom, equality, social justice, democracy are common to the population of Russia, Belarus, Poland, there are significant differences in the interpretation of their content in the context of national cultures.

The aim of the comparative analysis is to identify and explain the differences in understanding of political values in different cultures to help them engaging in a productive dialogue.

Keywords: political culture, political values, democracy, comparative analysis, Russia, Poland, Belarus